

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОБ АВТОРЕ	4
ПРЕДИСЛОВИЕ	5
1. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ РОССИИ.....	7
НЕРУШИМОЕ ЕДИНСТВО СТРАНЫ И ГОСУДАРСТВА	8
СТАТУСЫ ПОРОДИЛИ МЕСТА.....	9
КОМПАС ПОКАЗЫВАЕТ НА ЦЕНТР.....	11
ТОТАЛЬНО РАЗГОРОЖЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	13
АВТОМОДЕЛЬНАЯ СИММЕТРИЯ ЛАНДШАФТА.....	16
УНИВЕРСАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ.....	18
«СТРАННОСТИ» НАШЕГО ЛАНДШАФТА.....	20
2. ПОСТСОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА. ВИД ИЗ ЛАНДШАФТА	22
ЦЕННОСТНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ.....	22
АТОМИЗИРОВАННЫЙ ЛАНДШАФТ.....	25
АГОРАФОБИЯ В САМОЙ БОЛЬШОЙ СТРАНЕ МИРА....	28
НЕПРОНИЦАЕМАЯ СТРАНА НЕПОЗНАВАЕМА.....	31
ПОСТСОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА: НЕБЫТИЕ ОБЩЕСТВА	
И КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА.....	34
КАКОВА ЖИЗНЬ СТРАНЫ В СУЩЕСТВУЮЩЕМ	
ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ?.....	37
ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?.....	40
О «СТРЕЛКЕ»	42

ОБ АВТОРЕ

Владимир Каганский — географ, автор книги «Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство» (2001).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир земной поверхности, где протекает жизнь всех людей, — не склад, свалка или смесь отдельных объектов на безразличном или враждебном фоне, а сплошная многослойная ткань. Кажущиеся отдельными объекты — связанные узелки на этой ткани, имеющей целостный смысл и сложный, регулярный рисунок со сквозными закономерностями. Теоретическая география описывает эту ткань с помощью концепции «культурного ландшафта».

Культурный ландшафт отличается от привычного нам природного ландшафта тем, что природные и культурные компоненты в нем равноправны и взаимосвязаны. В моем понимании «культура» и «ландшафт» не противостоят друг другу и не смешиваются в пространстве механически, а следовательно, учение о культурном ландшафте не является простой суммой знаний о природном ландшафте и культурных объектах в нем. Культурный ландшафт — это единство пространственных тел, форм, функций и смыслов. Причем в отличие от большинства иных подходов культурные компоненты в рамках концепции «культурного ландшафта» трактуются широко, почти как синоним всей человеческой деятельности. Таким образом, из культурного ландшафта априори не исключается ничего — как классики географии не исключали из содержания этой науки никаких явлений поверхности Земли.

Теоретическая география позволяет создать портрет любого национального культурного ландшафта, как и ландшафта любого достаточно богатого содержанием места. Здесь речь пойдет о российской модели. В первой части я представлю российский культурный ландшафт в виде концептуальной схемы, прибегая к сильной идеализации, что позволяет описать всю нашу страну и в

целом, и каждую ее часть в отдельности. Но как всякая модель, она описывает их с разной полнотой и мерой условности для разных мест; упрощения совершенно неизбежны. Во второй части описаны и проблематизированы взаимодействия людей с ландшафтом.

1. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ РОССИИ

Как известно всем со школьной скамьи, Россия — страна на севере Евразии, между заливами Атлантического океана, Тихим океаном и Северным Ледовитым океаном; с севера на юг в России последовательно сменяются зоны тундр, тайги, лиственных лесов, лесостепей, степей. Система природных зон, открывая российскими учеными более века назад, — отчетливые разноцветные полосы на карте, отражающие различия климата, растительности, почв, сельского хозяйства и сельской местности. Красивое закономерное разнообразие природного ландшафта — фон, основа, естественная оправа для природных и культурных шедевров-драгоценностей; ими наша страна неповторима и уникальна. Нашей стране есть что продемонстрировать себе и миру: природные объекты планетарного значения (озеро Байкал, вулканический микроматерик Камчатка, природные заповедники с редчайшими животными вроде дальневосточного леопарда), города-музеи, монастыри-музеи, действующие монастыри и действующие музеи, археологические заповедники. В России есть все, чему положено быть в большой стране с долгой историей.

Такое пространство породило специфический расхожий образ, более того — оно само по себе стало ее образом, символом, брендом. Я же хочу показать, что специфика культурного ландшафта России не исчерпывается набором «Байкал — Москва — Санкт-Петербург — Соловки — Суздаль» на фоне необозримых тундр, лесов и степей. Подлинная специфика страны — повторяющиеся, типовые, типичные формы,

соразмерные обычной жизни, структурирующие повседневную среду. Наш ландшафт специфичен не редкими узелками ткани, не украшениями-раритетами — наша страна уникальна самой тканью жизненной среды. Такой ткани нигде больше в современном мире нет, а аналогичные украшения есть. Читателю предстоит вытерпеть объяснение того, как устроен тот мир, где он живет и который кажется ему хорошо понятным.

НЕРУШИМОЕ ЕДИНСТВО СТРАНЫ И ГОСУДАРСТВА
С онтологической точки зрения в России ландшафт и государство — разные имена или разные интерпретации одной сущности. Тем самым государство — одновременно внешняя рамка и внутренний каркас ландшафта, жестко регламентирующие обыденную жизнь. Все, что существует и видимо в ландшафте, имеет государственный статус. Наш ландшафт отлит по формам государства, то есть в России не существует внегосударственного или негосударственного пространства; только сейчас эта склейка рвется и размывается. Российское пространство дано лишь в государственной оптике, которую трудно осознать и еще труднее преодолеть; ее можно только принять или игнорировать.

Не столь уж важно, когда эта модель возобладала. И не слишком интересны тривиальные или фантастические объяснения поразительного огосударствления культурного ландшафта через географический детерминизм: тут и долгая зима, и бескрайние просторы, и северность, и враждебное окружение, и исключительное положение между Востоком и Западом, и тяга к «естественным» границам. Важнее осознать следующее:

тысячелетнее государство уже вжилось в ландшафт и будет долго структурировать и засорять его своими формами и своими обломками. Так, СССР как структура культурного ландшафта, как проблемный регион, как генератор пространственных отношений просуществует намного дольше «государства СССР».

СТАТУСЫ ПОРОДИЛИ МЕСТА

В нашем культурном ландшафте все места порождены своими статусами. Каждому месту предписано государством быть чем-то или изображать что-то, обычно и то и другое вместе. Сегодня старинные провинциальные города привлекают нас кажущейся спонтанностью своего развития, хотя более или менее известно, что в екатерининские времена все города были подвергнуты регулярной планировке. Что менее известно широкой публике: подавляющее большинство российских городов не сложились естественно, а были учреждены указом — как укрепления в оборонительных линиях, которыми быстро прирастала территория государства, или как центры единиц административного деления (уездов, губерний, областей, краев и т.д.). Сотни мест в России назначались городами — уездными центрами, и, наверное, частично и были ими, хотя потом могли быть разжалованы в заштатные. Город мог быть даже разжалован из города в село! А в СССР, бывало, разжаловали и расформировывали целые республики-страны. В советское время уже возобладали не типовые, а стандартные проекты для всей страны. Поскольку страна срослась с государством, то и менялась она вместе с государством. Даже физическая география «полей,

лесов и рек» постоянно перекраивалась; не раз за последнее тысячелетие середина России то почти вся распаивалась, то вновь зарастала лесами, то все леса вырубались...

Рамочный проект — самое большое сконструированное, глобальное искусственное сооружение. Бывший СССР — тотальная попытка превратить ландшафт в пространственную конструкцию. Результаты известны. Крах планетарной империи СССР редко связывается с пророчествами П.Я. Чаадаева касательно урока, который Россия должна дать... Может быть, урок-то уже дан...

Назначения в нашем ландшафте — именно в этом специфика — получали не отдельные исключительные места, а все места, ландшафт сплошь и целиком. Города и регионы, реки и озера, типы и имена мест — все это определенные государственные статусы, а вовсе не объекты, частный аспект бытия которых — еще и государственный статус. Вначале-де были, возникли, стали, а уж затем получили статус — вовсе нет! Существование этих объектов дано в онтологии (реальности) государства. Государство не просто использует существующие места, а само создает и проектирует статусы и уже потом осуществляет и овеществляет их и в ландшафте. Поскольку мест много, а статусов мало, то возникают типовые, стандартные статусы, которые формируют реальность, а на деле ее деформируют.

Но как же тут была возможна жизнь, спросите вы, ведь была же она... Жизнь уцелела в щелях и зазорах, неизбежных при заполнении пространства стандартными формами-проектами, оестествляла государственные формы, использовала неплотные стыки и взаимные наложения и противоречия ячеек. Культурный

ландшафт, как и просто осмысленная жизнь, ютился в щелях государственного пространства.

КОМПАС ПОКАЗЫВАЕТ НА ЦЕНТР

Компас нужен для того, чтобы ориентироваться на местности, его стрелка в нашем Северном полушарии всегда показывает на север. Ось «север — юг» — главная, вдоль нее распределяется тепло, согласно месту на этой оси живет природа и сельское хозяйство. В этом направлении идут силовые линии магнитного поля и меридианы — линии, условные на местности и буквально реальные (нарисованные) на географической карте.

В нашем ландшафте жизнь определяют социальные меридианы, силовые линии социального тяготения. Согласно им распределяется тепло общественных благ, живут населенные пункты, а природе дается возможность выжить. Социальный компас в любой точке российского (всего советского) пространства показывает в одну сторону — в центр. Это пространство одного направления: «центр — периферия», оно — главное, универсальное для всех мест. Все остальные направления второстепенны. От центра к периферии спадает освоенность, распаханность, заселенность; вдали от больших городов коровы доятся хуже, а женщины менее красивы. Направление «центр — периферия» — главное направление дифференциации, изменения всего культурного ландшафта, максимальных социальных и культурных градиентов.

Это и главное направление движения; по нему идут тропинки и тропы, дороги и шоссе, потоки транспорта, людей и сообщений,

путники и автомобили, директивы и деньги, моды, льготы и трансферты регионам. До сих пор половина пассажиров страны пересаживается в Москве. По направлению «центр — периферия» шла и до сих пор идет сортировка всего ценного — ненужное и неценное отбрасывается на периферию. При такой структуре культурного ландшафта расстояние до/от центра, то есть количественная характеристика, неизбежно становится качественной, превращается в главный дифференцирующий признак места.

Отсутствие полноценных горизонтальных связей между местами — естественное следствие абсолютной централизации и моноцентричности: все места связаны друг с другом исключительно через единственный центр, т.е. территориальное соседство не находит выражения в линиях коммуникации. Поскольку каждая ячейка культурного ландшафта России моноцентрична, чрезвычайно гипертрофированы высокая роль и размер центров. Эквивалент в социальном фазовом пространстве — особая роль и размер бюрократии.

Отсутствие полноценных горизонтальных связей между местами — естественное следствие абсолютной централизации и моноцентричности: все места связаны друг с другом исключительно через единственный центр, то есть территориальное соседство не находит выражения в линиях коммуникации. Поскольку каждая ячейка культурного ландшафта России моноцентрична, чрезвычайно гипертрофированы высокая роль и размер центров. Эквивалент в социальном фазовом пространстве — особая роль и размер бюрократии.

Организация пространства по линиям «центр — периферия», наиболее экономная, минимизирующая общую протяженность транспортной сети, привела к тотальной бессвязности ландшафта на всех уровнях и во всех аспектах — от физики перевозок до метафизики мышления ландшафта, от невозможности ездить во всех направлениях до невозможности мысленно охватывать свой жизненный мир во всех направлениях и горизонтах. Наверное, семантически наша страна даже более фрагментирована, чем физически и транспортно.

Между административными регионами разных рангов нет никаких формальных препон для сообщения и связей, но и нет в них никакой нужды, отчего не развиты прямые горизонтальные связи и нет соответствующих им дорог. Так что люди по обе стороны административной границы (например областей), разделенные всего лишь 10–20 километрами, иногда просто ничего не знают о своих соседях за этой границей, к ним никто не ходит, но о них ходят слухи и анекдотические рассказы. Согласитесь, что несвязанные соседи — соседи неполноценные.

ТОТАЛЬНО РАЗГОРОЖЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Вообще в полноценном культурном ландшафте выделяются четыре главные зоны — центр, провинция, периферия и граница; они должны быть сбалансированы. Центр — ядро, репрезентирующее и организующее систему как целое, источник норм, гарант единства системы; сложный искусственный ландшафт. Провинция — относительно самодостаточная, стабильная базовая зона культурного ландшафта, зона здоровой обыденной жизни,

баланса телесности и семиотичности, искусственности и естественности. Места решают собственные задачи на основе соседских горизонтальных связей. Ресурсы, в том числе природные, воспроизводятся. Здесь преобладает местное (укорененное в конкретном месте) население, есть традиция самопознания и самоописания. Периферия — несамостоятельное зависимое фрагментированное пространство. Внешние центры решают в ее пространстве свои задачи, не принимая во внимание интересы, особенности местного ландшафта и населения, ресурсы используются по колониальному типу. Периферия себя не мыслит и не описывает. И наконец, граница — пограничная окраина системы и зона — посредник в связях с внешним миром.

Тотальная централизация российского ландшафта привела к его тотальной периферизации, сокращению такой существенной для полноценности культурного ландшафта зоны, как провинция, и гипертрофии значимости не только центра, но и границ.

Пространство российского культурного ландшафта чрезвычайно дискретно, и эта дискретность вещественна. Отдельные районы, ячейки и части пространства разделены отнюдь не только статусно, но и физически — изгородями, заборами, барьерами, запретными и пограничными зонами, широкими полосами безлюдья и бездорожья, непроходимыми даже для военных вездеходов. Общая протяженность внутренних границ куда больше внешних (я оцениваю их длину в бывшем СССР в миллион километров), и они куда сильнее изолируют места друг от друга.

Доминантой развития культурного ландшафта России многие века был прирост территории, постоянное раздвижение внешних

рубежей. В иные времена каждое новое поколение жило в территориально иной стране: новая столица, новая резиденция или новая граница, только что присоединили (чаще) или потеряли (реже) крупный край. Почти все территории побывали приграничными в том или ином смысле — как покоряемая заграница или возвращаемая родина, как осваиваемая «пустая» земля, как удерживаемые внутренние рубежи, как обустраиваемая или охраняемая государственная граница. Можно сказать, границы прокатились по всему пространству России. Вследствие такой подвижности в физическом и статусном пространстве России они играли формирующую роль в устройстве культурного ландшафта, породили особые зоны с особым образом жизни. И смена систем административных ячеек, и их застойность, когда все стягивалось к центру, превратила почти все пространство во внутреннее приграничье.

В нашем культурном ландшафте явно доминирует периферия — и абсолютно, и относительно. «Советизация» ландшафта, в частности, и состояла в том, что места жизни превращались в ячейки для решения задач. Более того, осмелось утверждать, что у нас сформировался и главенствует особый вид периферийного пространства — приграничная периферия. Поэтому самое важное из происходящего сегодня в постсоветском культурном ландшафте — попытки периферий разных масштабов (люди, группы, города, регионы) преодолеть этот статус и развиваться в сторону «провинции».

Однако если в полноценном культурном ландшафте какое-либо место, потеряв свою исконную функцию, ищет и находит для себя какую-то другую (например, заброшенные сельскохозяйственные

и промышленные территории приобретают экологические и рекреационные функции), в российском культурном ландшафте утрата хозяйственной функции ведет обычно к деградации расселения, одичанию ландшафта. Поскольку это происходит, как правило, с территориями внутри страны, образуются своеобразные зоны внутренней периферии — огромной и растущей, но почти не известной зоны.

АВТОМОДЕЛЬНАЯ СИММЕТРИЯ ЛАНДШАФТА

Культурный ландшафт России структурирован не природными или культурными районами, а районами административными. На огромное, разнородное природно и культурно пространство была заброшена единая сеть с ячейками нескольких типов, различающихся лишь статусно-количественно (в соответствии с уровнями административно-территориального деления). Постепенно все территориальные единицы превратились в универсальные узловые районы, жестко привязанные к его центру. Любая часть ландшафта воспроизводит целое, можно сказать, что это воплощение автомодельной симметрии в пространстве, симметрии «часть — целое».

В советское время всякая республика была малым СССР, всякая область — малой республикой, всякий район — малой областью и т.д. Скрепляли ячейки компартия и военно-промышленный комплекс, обеспечивавший хоть какую-то связность пространства. Это была жесткая, четкая, по-своему эффективная система — пространственный конструктор, идеально обеспечивающий функцию контроля.

Обобщенная картина ячейки нашего пространства такова. Центр — один-единственный и главный во всех существенных отношениях: самый населенный, самый промышленный, самый главный транспортный узел, самый культурный, торговый, криминальный, развлекательный, в нем представлены все профессии и конфессии. Этот центр часто замещает функционально и ментально возглавляемый им регион и в определенном смысле и является регионом: расхожие выражения «поеду в область», «поеду в район» означают поездку в центр области или района. Следующие по размеру центры много меньше, но так же универсальны. Поразительно, но самые значительные и значимые различия в нашем ландшафте — не между районами, а между центрами и их перифериями.

Прилегающая к центрам территория наиболее освоена, и в ней сохранились еще живые села (умирающие на периферии). Но вот парадокс: самые старые и естественные леса (не рубленные несколько столетий) сохранились вблизи столиц; раньше они служили охотничьими угодьями феодалов, а сейчас нередко маскируют военные объекты. Но основные массивы природных угодий имели шанс сохраниться прежде всего на дальней периферии административных регионов, вдоль границ и особенно на их стыках — медведи действительно нередко живут в медвежьих углах.

Поскольку ячейка моноцентрична, жизнь в ней устроена исключительно в соответствии с одной-единственной иерархией. Даже медицина — казалось бы, самый человечный элемент системы — абсурдно иерархична: чем серьезнее болезнь, тем на более высоком уровне оказывается помощь.

Интересно, что если единственность иерархии невозможна в силу природных причин, действует посыл физически и семантически это исправить. Например, Москва действительно стала одним из крупнейших портов СССР, а пресловутое Золотое кольцо было искусственно создано по принципу доступности туристским автобусам из Москвы. Чтобы прочувствовать парадоксальность конструкции, перенесем эту схему на чужую почву: столицей США становится Нью-Йорк, туда переносят Голливуд, Массачусетский технологический институт и все знаменитые университеты Лиги плюща, переносят заводы из Питсбурга, а также Кремниевую долину и по возможности Ниагарский водопад; заодно исторические источники сообщают теперь, что первые юрабли переселенцев причалили как раз к Манхэттену.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

Примечательно, что такое, в сущности, враждебное человеку и жизни устройство культурного ландшафта оказалось удивительно стойким и не спешит трансформироваться. После распада СССР регионы всех уровней не слишком озаботились установлением связей друг с другом по принципу соседства. Больше всего внимания уделялось и уделяется росту и укреплению своих центров и связей по линии «центр — периферия» как в масштабе региона, так и в масштабе страны. Модель устройства культурного ландшафта по лекалу СССР неизменно воспроизводится.

Нынешний российский ландшафт унаследовал свои главные особенности от советского пространства, а оно, в свою очередь, утрировало многие черты пространства Российской империи. Таким образом, мы по-прежнему живем в имперском культурном ландшафте.

Известно, что контролирующие большое пространство империи могут очень по-разному взаимодействовать с подконтрольным пространством, хотя спектр различий ограничен самой сущностью империи — внешнего силового удержания большого природно и культурно разнообразного пространства. Специфика культурного ландшафта России состоит в том, что империя как конститутивный принцип достигает в нем своего максимума, если не предела. Наше пространство — имперское на каждом уровне, в каждом аспекте, в каждой ячейке. Только такой тип устройства культурного ландшафта позволил структурировать и временно удерживать территорию таких размеров, невзирая на ее природное и культурное разнообразие.

Резюмируем главное. Пространство страны насквозь пронизано государством, структурировано государством и отдельно не существует. Культурный ландшафт России на всех уровнях — система отчетливых ячеек; основная жизнь в них сосредоточена в центрах и замирает на окраинах. Эти ячейки плохо связаны меж собою — почти все идет и едет через центр — и разделены границами и барьерами безлюдья и бездорожья. Все в нашем пространстве смотрит на центр, как стрелка компаса на север. Ландшафту, который сконструирован и сжат центрами и границами, недостает средней зоны, среды обыденности — провинции в лучшем смысле. Провинция дефицитна, периферия

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru